

TV СЕРИАЛ
ЖУРНАЛИСТКА

Светлана Алешинна

Виртуальная
ПОДРУЖКА

ЭКСМО

Светлана Алешина
Виртуальная подружка
Серия «TV журналистка»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5961860

Алешина С. В. Виртуальная подружка: Повесть.: Эксмо; Москва; 2003

ISBN 5-699-01239-7

Аннотация

Ток-шоу «Женское счастье», неизменной ведущей которого является Ирина Лебедева, теряет рейтинг. И тут молодая сотрудница подсказывает Ирине сюжет из жизни. Она предлагает пригласить на передачу свою подругу Элли, жену преуспевающего банкира Бессметного, и поговорить с ней о превратностях судьбы. О том, как из любящего и заботливого, муж за считанные недели превратился в нервного, раздраженного человека, стал азартным игроком в покер, пропадает в казино. Жена живет в предощущении несчастья. В день эфира героиня не является в студию, и Ирина узнает почему: накануне банкир Бессметнов не вернулся домой и пропал бесследно...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	43
Глава 4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Светлана Алешина

Виртуальная подружка

Глава 1

18:26:28 KISKA: Уважаемый OPER, я игнорирую ваши сообщения.

18:26:34 OPER: KISKA: Ну и дура!

18:26:41 OPER: Еще живые есть?

18:26:59 MISTER_X: MAN: У меня комп виснет, собака страшная. Пожалуй, я сегодня вне общения. Или перегрузиться попробовать?

18:27:02 SOBLAZNITELNAYA: BIG: Тебе сколько лет?

К нам приходит LISICHKA.

18:27:07 MAN: MISTER_X: Я тоже еле прорвался – сервер перегружен. А насчет перегрузиться думай сам, только быстрее. У меня сегодня лимит по времени.

18:27:11 BIG: SOBLAZNITELNAYA: Восемнадцать. А тебе?

18:27:14 MAX: LISICHKA: Привет! Ты как после вчерашнего? У меня до сих пор бодун.

MISTER_X нас покидает.

18:27:18 MAN: OPER: А ты опер по профессии или по состоянию души?

18:27:22 SOBLAZNITELNAYA: BIG: Шестнадцать. А у тебя фотка есть? Пришли, а я тебе свою пришлю.

К нам приходит MONTE-KLARA.

18:27:29 LISICHKA: MAX: А я нормально. Меня с утра пивом похмелили. Ну вы вчера и ужрались, парни! Я в воскресенье!

18:27:33 OPER: MAN: По профессии. Только к милиции я никакого отношения не имею. А ты что за фрукт?

18:27:40 BIG: SOBLAZNITELNAYA: Может, лучше встретимся? У меня есть чем тебя удивить!

18:27:45 MAN: OPER: Ты опер, вот и иди оперы писать!

18:27:48 MAX: LISICHKA: Ха! Это разве ужрались?! Так — легкая разминка.

18:27:52 OPER: Я не понял, на этом треклятом чате хоть кто-то говорит о сексе, или это «Обо всем на свете»? Ы-ы-ы! MAN нас покидает.

18:27:56 SOBLAZNITELNAYA: BIG: Что, прямо так сразу и встретимся? А чем заниматься будем?

18:28:01 OPER: Скукоти-и-ища! В картишки, что ли, с кем перекинуться?!

18:28:13 MONTE-KLARA: ЛИЧНО OPER: Можно и в картишки. Ты как насчет покера?

18:28:21 OPER: ЛИЧНО MONTE-KLARA: Легко! Не вопрос вообще! А какое это имеет отношение к сексу?

18:28:36 MONTE-KLARA: ЛИЧНО OPER: Ты откуда такой озабоченный?

18:28:43 OPER: ЛИЧНО MONTE-KLARA: Город Тарасов.

18:28:51 MONTE-KLARA: ЛИЧНО OPER: O'k! Земляки, значит. Может, в следующий раз на пару в казино прогуляемся? Пришли свой электронный адрес. Как соберусь, отпишусь.

– Ох! Тоска серо-буро-малиновая! Одни дебилы малолетние! – жалобно потянул носом Павел и рьяно защелкал мышкой.

– Павлик, кончай служебный трафик транжирить. Кошелев из тебя коврик подмышечный сделает. – Я встала из-за стола, без особого энтузиазма разминая ноги, и с ленивым любопытством заглянула ему через плечо, читая всю эту галиматию.

С тех пор, как на моем компьютере появился Интернет, Павел, и раньше большую часть времени проводивший в моем кабинете, просто перестал из него выходить. Я имею в виду из кабинета. Хотя и из Интернета тоже. Мало того, что мерзавец оккупировал самое удобное кресло, так теперь он его – и ведь не поленился, что удивительно! – подтащил к столу и часами просиживал, самозабвенно пялясь на монитор.

– Ничего! С Кошеля не убудет, а законопослушные трудяги после отбывания добровольной восьмичасовой трудовой повинности имеют полное право оправиться и покурить.

– Сударь! Да есть ли у вас стыд? – возмутилась я. – О

какой такой повинности смеете вы заикаться, когда мы уже целую неделю курим бамбук!

В последнее время дела не ладились. Не то чтобы моя передача, пардон, наша передача «Женское счастье», будь она неладна, теряла рейтинг, просто давно не удавалось сработать ни одного порядочного сюжета. Тут я с Пашкой полностью согласна – тоска... Сюжеты эти были интересны разве что сытым домохозяйкам, трясущимся над своими благоверными и не знающим, на что еще потратить приносимые ими деньги, да заслуженным ровесницам Мафусаила – гордостью города. Евгений Иванович Кошелев, родное наше начальство, дай ему бог долгих лет жизни, ангельского терпения и частых приступов альтруистической любви к своим нерадивым подчиненным, ходит хмурый, словно туча над границей, цедит сквозь зубы «всех уволю» и с досады шлепает по стенам телецентра полусонных осенних мух свернутым в трубочку рекламным проспектом. Лера, помощница режиссера и моя ассистентка, носится по всему Тарасову, как колибри с подпаленным хвостом, в поисках достойной героини, даже про свое раздельное питание пополам с сыроедением забыла. Галина Сергеевна, наш славный режиссер, съедает по пол-облатки валерьянки за раз и говорит, что во всем виноваты арабские террористы, переманившие всех девочек – наших потенциальных губернских телезвездочек – для своих гаремов. И вот в то время, когда вся наша команда из кожи вон лезет, пытаясь придумать хоть что-то путное,

этот трутень, эта раковая опухоль на изможденном теле трудового пролетария в дешевом чате по бабам шоркается!

– Стыд есть, но мало – приходится экономить, – без зазрения совести переходя в чат «Знакомства», прогундел Павлик. – А что до ваших гнусных инсинуаций на предмет бамбука, то вы, может быть, его и курите, а я в поте лица, не покладая рук своих, думы тяжкие думаю. Во как!

– Совсем обнаглел! – от праведного негодования я даже спонтанно распрощалась с состоянием ленивой расслабленности, коей выражался мой персональный абстинентный синдром после чрезмерного злоупотребления адреналином, а он у меня в последнее время зашкаливал на нервной почве. – Это ты-то, целыми днями за моим, между прочим, компьютером штаны протирая, с позволения сказать, думаешь?!

– Не надо делать поспешных выводов, – покачал головой Павел, ни дать ни взять Аристипп¹, усердно корпящий над разработкой основных положений гедонизма. – Бывает же «человек на пепельнице», который на первый взгляд ничего не делает, курит себе в коридорчике, а на самом деле всякие пользительные для внешне активной, но в сущности бестолковой общественности идеи генерирует. Может быть, я тут вам персонажику подыскиваю?

– Тоже мне «охотник за умами», главный консультант по

¹ Древнегреческий философ, ученик Сократа (V–IV века до н. э.), один из родоначальников гедонизма – направления в этике, утверждающего наслаждение, удовольствие как высшую цель и основной мотив человеческого поведения.

подбору персонала на «Секс»-чате. Смотри не вспотей!

– Чем вам чат не нравится? Я же не виноват, что на нем больше всего народа тусуется. – А почему у тебя ник такой дурацкий, продуманный ты наш?

– Чего это дурацкий-то? – обиделся Павел.

– А чего остроумного в том, чтобы на «Секс»-чат под ником OPER лезть? Еще удивляешься, что с тобой никто общаться не хочет. С таким погонялом только на чате «Моя милиция меня стережет» хорошо.

– Ничего-то вы не понимаете. – Павел досадливо почесал свою бороду. – Я же оператор? Оператор. А сокращенно получается «опер».

– Атама-а-аны, вы мои-и, растама-а-аны-ы-ы, – раздался у меня за спиной до невозможности фальшивый голос.

Обернувшись на источник раздражения, я увидела голову Валеры Гурьева, репортера «Криминальной хроники», выглядывающую из-за двери. Неудачная попытка музицирования, очевидно, принадлежала именно ей, в смысле голове, поскольку других звуковоспроизводящих объектов в обозримом пространстве не наблюдалось.

– Чего это вы тут делаете спустя полчаса опосля конца рабочего дня? – спросила голова, подтягивая за собой субтильное, верткое тулово. – ГТРК Карственный переворот замышляете? Дайте поучаствовать.

– Не-а, – ответила я. – Паша себе виртуальную подружку подыскивает.

– Совсем обленился, – прокомментировал Гурьев, занес-таки себя в кабинет и уселся на краешек моего стола. – А я еще его к себе взять хотел.

– Сказал, не буду «Женского счастья» разрушать, значит, не буду. Я человек слова, – не отрываясь от монитора, отрезал Павел, который в свое время решительно отказался от предложения Гурьева перейти к нему в криминалку, за что Павлику нашему глубокое мерси, поскольку оператор он просто от бога.

– Лучше бы ты был человеком дела, – сердито проворчала я. Таланты, знаете ли, талантами, а баловать этого лентяя тоже не стоит, а то он, чего доброго, заставит меня за ним камеру носить.

– Женское счастье – муж в командировке, хомячок и дети у свекро-овки, – пропел Валера, отчего мой слух, избалованный ариями Неморино и Радамеса в исполнении Хосе Каррераса – ну люблю я классику, а от эстрады нашей любого нормального человека с души воротит, и нечего обвинять меня в снобизме! – едва не спровоцировал организм на антигуманный поступок в отношении этого постсредневекового миннезингера.

– Чего это тебя сегодня на концерты пробивает? – морщась, спросила я. – Да еще и поешь гнусности всякие. Это, что ли, намек?

– Это, что ли, шутка, – устало вздохнув, ответил Валера. – Обиду другу нанести и в мыслях не было. Прости!

– Теперь стихами заговорил. Ты часом не влюбился, женоненавистник со стажем?

– Типун тебе на язык! – ответил Валера, пробывший в счастливом браке всего два месяца, и то в глубокой юности. – Денек веселый выдался, Ириша. У нас в Смирновском ущелье покойничка потешного нашли.

– Покойничка? Потешного? Мрачная у тебя душевная жизнь, Валера.

– Работа такая. А труп и в самом деле занятный. У парня на правой руке из пяти пальцев только большой.

– А остальные погулять вышли? – фыркнул Паша.

– Если бы! Остальные старательно отрублены. По самое не хочу. Причем, что интересно – все пальцы аккуратно перебинтованы, а раны тщательно обработаны. Свежие, кстати, раны. В смысле покойный получил их незадолго до смерти.

– И умер он от чрезмерной заботы, – с пафосом добавил Паша.

– А умер он, как ни странно, от анафилактического шока.

– Подожди! В смысле от травматического? – Я, конечно, не медик и не криминалист, но что такое болевой шок, даже я, скудоумный филолог, знаю.

– Ни фиги подобного! Ему какое-то анальгезирующее средство типа промедола, или омнапона, или еще какой дряни ввели. Я в ихней фармакологии не особенно разбирался. А у парня аллергия на это хитрое средство оказалась. Вот и загнулся, бедолага.

– Ничего не понимаю! – Кажется, это и впрямь интересно. – Так его хотели убить или не хотели? Сперва пальцы рубят, потом болеутоляющие вводят – ерунда какая-то.

– То-то и оно, что ерунда. Ребята в ментовке только руками разводят. Видать, живой нужен был, да обмишурились чуток.

– А кто хоть, выяснили? В смысле, труп чей?

– Нет пока. Документов при нем не было, а сам он провалялся так долго, что видок у новопреставленного, как говорится, ни рожи ни кожи. Сам любовался. Только мне сдаётся, что не в Смирновском лесу он валялся, потому как там бы его собаки пообъели али еще какие твари дикие.

– Слушай, какие ты страсти на ночь глядя рассказываешь! – Мне действительно стало не по себе.

Как же должен чувствовать себя человек, которому сначала оттяпывают четыре пальца на одной руке, потом заботливо прижигают йодом раны, трогательно дуют, чтобы не щипало, а в довершение всего колют какую-то гадость, от которой несчастный благополучно передает дух в руки отца своего небесного?! И после этого Евгений Иванович будет мне говорить, что программа а la «Журналистское расследование с Ириной Лебедевой» в наших широтах не будет котироваться. Да из этого такой материал сделать можно!.. Остается только завидовать Валерке и выпестовать надежды на гипотетическую возможность избавления от осточертевшего до икоты «Женского счастья».

Хотя, если задуматься, чему тут завидовать? Вид полуразложившегося трупа, у которого единственное, что осталось в состоянии относительного порядка, это сердобольно перебинтованные обрубки вместо пальцев, – зрелище не слишком аппетитное. А Валерка с такими своеобразными «диетами» каждый день сталкивается.

– В розыск, кстати, тоже никто не заявлял, – задумчиво проговорил Гурьев, игнорируя мое последнее замечание. – По крайней мере, ни одной из значащихся в списке у милиции особых примет у него не обнаружено. Получается, неприкаянный такой дохлый труп мертвого человека – сиротинушка.

– А они есть? – поинтересовалась я.

– Кто? – удивился Валера. – Дохлые трупы?..

– Тьфу на тебя! – перебила я. – Приметы.

– А-а, ну да, левое ухо в двух местах проколото. Волосы чуть длиннее среднего, аккуратненьким таким каре подстрижены. Опять же одежонка на нем приличная. Она, кстати, неплохо сохранилась. Парнишка явно не из помоечного бомонда.

– Интересно знать, кому он так досадил и чем? Неплохо бы выяснить и на заметку взять. А то, не ровен час, сболтнешь чего-нибудь не то в адрес очередного рекламодателя, а тебе потом лапу по локоть откоцают. Может, разборки какие?

– Да непохоже. – Уголки Валеркиных губ в некотором за-

мешательстве поползли вниз. – Вряд ли кто-то из местной мафии детективной литературкой а la «Лимоны никогда не лгут» балуется. У нас все проще и brutальней, одно слово – Россия-мать, к тому же провинция.

– А может, у нас очередной маньяк завелся? – подал голос Паша, о котором я уже успела забыть.

– Ну конечно! – презрительно усмехнулся Валера. – Уволенная из элитного салона маникюрщица бывших клиентов устраняет. Так не доставайся же ты никому! Ты головой-то подумал, прежде чем языком трепать, – зачем маньяку раны бинтовать?

– А кто его, психованного, разберет? – авторитетно заявил Павел, словно всю жизнь медбратом при неврастениках состоял. – Например, чтобы продлить агонию жертвы.

– А обезболивающее он вводил, чтобы облегчить страдания бедняжки, – в тон Павлику издевательски покивал головой Валера. – Прямо не маньяк, а мать Тереза какая-то. Чушь! Да и мелко это как-то для маньяка. Не тот масштабчик. Я понимаю там, на дыбу вздернуть или кишки вокруг бедер бантиком завязать. А тут пальцы какие-то. Хотя мужику и этого хватило. Ну да бог с ним, с болезным. Мне, в общем-то, до него дела нет.

– Как это нет?! – не веря своим ушам, воскликнула я. – Тебе же репортаж снимать.

– Да не буду я из-за него общественность возмущать, – отмахнулся Валера. – Доблестные господа охранники права

и порядка не велели.

– А ты прямо так и послушался, – съязвила я.

– Не послушался, а прислушался, – поправил Валера, – к доводам разума, между прочим. Сдается мне, что хорошего скандала из этой истории все равно не получится – не похож этот усопленный на высокопоставленную особу, посудачат и забудут, как только в очередной раз цены на майонез подскочат, а из-за двух минут короткометражного фильма ужасов портить отношения с ребятами из милиции мне, извиняйте, резона нет. Пригодятся еще. А они уж больно просили до выяснения личности покойного, – как это Зародин сказал? – лясем-трясем на всю губернию не устраивать.

– Какое же ты меркантильное кю! – с досадой выдохнула я.

Хотя Валерка по-своему был прав. Дело, конечно, запутанное и интересное, но, чтобы сварганить из него настоящую сенсацию для нашей публики, парень должен оказаться как минимум внебрачным сыном советника по связям с общественностью губернатора области. И лучше – наркоманом. А еще лучше – наркоманом с нетрадиционной сексуальной ориентацией или с гипертрофированным комплексом kleptomana, за что и поплатился. А так – ну еще один рядовой труп. Пальцы отрублены – мало ли, может, производственная травма. Умер от анафилактического шока – врачи недобросовестные оказались, не потрудились предварительную проверку на аллергены сделать. А может, действительно

так все и было, а что при таком раскладе труп должен смирененько в больничном морге лежать, а не в лесах валяться, но кого это волнует? Валерка шорох устроит и вмиг окажется без своих полезных связей. А по его шкале приоритетов добрые отношения с нужными людьми в милиции ценятся куда больше, чем малоперспективный покойник. И все-таки!

– На том стоим. – Валера сполз со стола и бросил тоскливый взгляд на прыгающего из чата в чат Пашку. – Ладно, братцы-кролики, техноголики, вы как хотите, а я до дому, до хаты. Те, кто любит меня, за мной!

– Пойдем, – дернула я за рукав Пашку, – а то эта псевдодева сейчас до самого Орлеана доскочит, лови потом.

Дома меня ждал приятный сюрприз. Заботливый муж, очевидно, получив деньги за написание курсовых нерадивым студентам, расщедрился на мои любимые котлеты по-киевски. Еще на лестничной клетке я унюхала умопомрачительный запах, так что в момент забыла обо всяких там малоаппетитных покойниках вместе с их отсутствующими частями тела.

– Здравствуй, солнышко! – ласково прожурчала я, едва войдя в квартиру.

– Здравствуй, – сердито ответил Володя, забирая у меня плащ и отправляя его на вешалку. – Хоть сегодня могла бы не задерживаться.

– Я же не поздно, – с искренним удивлением ответила я.

– Ну да. У тебя вообще если сегодня, значит, еще не позд-

но. Ну а если после 12.00, тогда да, извини, любезный супруг, задержалась.

– Володька, не занудствуй! – почти пропела я, заходя в гостиную, и застыла как громом пораженная.

В самом центре комнаты стоял сервированный по всем правилам этикета стол. Даже салфетки, свернутые каким-то хитрым образом – мне так никогда не суметь, – аккуратно лежали поверх белоснежных тарелок из парадного сервиза. В середине стола красовался мой любимый салат из кальмаров, а по бокам от него две зажженные свечи в крошечных керамических подсвечниках, привезенных нашим приятелем из Японии. На краю стояла огромная хрустальная ваза с апельсинами, яблоками, бананами, а в центре торчал хвостик ананаса – о господи, мужчины, ну кто кладет фрукты в хрусталь? Справа от нее в тарелке бутерброды с красной икрой и балыком, напротив – бутерброды с говяжьим языком, напичгованным оливками и морковкой. Но больше всего меня потрясла бутылка «Cabernet».

– По какому поводу такой удар по семейному бюджету? – спросила я, едва ко мне вернулся дар речи.

Володя стоял, прислонившись плечом к дверному косяку и скрестив руки на груди. Лицо его было непроницаемо и серьезно, и только едва уловимый лукавый прищур с головой выдавал каверзника – он явно был доволен произведенным эффектом.

– Вот так доживешь с тобой до бриллиантовой свадьбы, –

печально вздохнул он, – а ты и не вспомнишь о дате нашего знакомства...

Ох ты, боже мой! Как же я могла забыть?! Вот дура пусто-головая! Нет мне прощения! Секите повинную голову хоть мечом, хоть ножом кухонным, за такое не жалко!

– Володенька! – Я кинулась ему на шею и, перемежая слова бестолковыми, куда попало поцелуями, затараторила: – Прости меня, дуру грешную! Кругом виноватая! Удавить Матрену мало! Радость моя! Золотце! Как же я тебя обидела! Ты ведь у меня самый-самый! А я!..

– Ага. Как же. Теперь и радость, и золотце, и свет в окошке, – отбиваясь, впрочем, без особого рвения, от моих поцелуев, ворчал Володька. – Забыла про любимого супруга. На работу променяла. Думал уж было в Волге утопиться, да вода холодная – не люблю дискомфорта. А ты оправдывайся теперь, коварная.

– И буду! – заголосила я с удвоенной силой. – Буду оправдываться, пока не простишь! Лучше я себя сама не прощусь! Ты же у меня один такой уникабельный!

– Вот насчет уникабельного ты погорячилась, – ответил Володька, высвобождаясь из моих объятий. – Да уж чего там. Ладно уж. Мы не гордые. Мы привычные.

Он подошел к окну, эффектным жестом опытного иллюзиониста во время собственного бенефиса откинул занавеску и взял с подоконника огромный букет шикарных роз.

– С годовщиной тебя, что ли! – сказал он, протягивая мне

букет, при этом глаза его сияли, как у влюбленного юнца на первом свидании.

– Володенька! Люблю пуще микрофона! Пуще света софитов, пуще жужжания камеры...

И я одарила его таким жарким и долгим поцелуем, что просто удивительно, как это от накала страстей лампочка в коридоре не перегорела.

– О, черт! – неожиданно вырываясь, заорал Володя. – Котлеты твои! Синим пламенем!..

И он пулей вылетел на кухню. А я села на диван и, шмыгнув носом, смахнула скупую слезу деловой женщины.

Какой же он у меня все-таки замечательный. Какой заботливый. Какой терпеливый. Как только сносит все мои причуды? Мои вечные зависания на работе до поздней ночи. Мои постоянные срывы его грандиозных планов по устройению маленьких семейных праздников на двоих. Мои гнусные отлынивания от домашних забот. Святой человек!

«О, нет! Ой, ё! Ох, чтоб я сдох!» – доносилась с кухни милая моему сердцу серенада под аккомпанемент рушащейся посуды.

Как же он меня любит! Хоть передачу обо мне снимай: «Самая счастливая женщина – ведущая популярного ток-шоу «Женское счастье» Ирина Лебедева». А кстати, неплохая идея! Чем не выход из творческого кризиса? Только за эту идею мне Володька ноги повыдергивает и микрофонные стойки повставляет. И будет прав! Нет, слово скаута – сего-

дня никаких разговоров о работе! Только о нас!

– Все пропало! – обреченно произнес Володя, возникая в дверном проеме с дымящейся сковородой в руке. – Сгорели...

– Они не сгорели, солнышко, – счастливо всхлипнула я. – Они подрумянились.

– А я еще рис сделал. Черный, – растерянно пробормотал он. – Ты говорила, что с курицей лучше всего черный рис.

– Черный? Такой же, как котлеты? – не удержалась я.

– Не жена – ехидна! – горестно воздев к небу очи, выдал Володя. – За это ты сегодня не будешь терзать меня своими оперными ариями. И никаких Бахов, Вивальди и Скарлатти.

– Не буду, милый! Будем слушать только то, что захочешь ты. Хоть Папетти, хоть Джо Дассена, хоть «Dire Straits».

Котлеты действительно не сгорели. Ну, то есть не совсем... Если снять с них тесто, то курица с неизменным горячим сливочным маслом и специями внутри очень даже ничего. Я спросила Володьку, почему он не воспользовался приобретенной недавно микроволновкой – моей гордостью и отрадой, но он только досадливо махнул рукой: мол, мы люди небалованные, к вашим импортным хитростям непривычные, так что все обошлось одними котлетами, а мог бы и дорогуший аппарат спалить, за что я бы с него точно спустила шкуру не хуже, чем сейчас тесто с котлеты. Не согласиться с ним оказалось трудно.

Рис был просто восхитительным... только немного сухо-

ватым. Зато салат превзошел все мои ожидания. И бутерброды. Особенно с икрой! Всего в самый раз, как я люблю. Тонкий ломтик свежего батона с хрустящей корочкой, в меру толстый слой масла и икринка к икринке, так что и просветов нет, и горкой не навалено. А вино! Настоящее, марочное, сухое, красное! Как же я люблю хорошее красное вино! И черт с ними, с Паваротти и Домингами, когда у меня такой муж!

Уже поздно вечером я вдруг вспомнила, что супруг мой по образованию химик, и осторожно спросила:

– Володя, а на обезболивающие средства может быть аллергия?

– В принципе да, – вскинул он на меня изумленный взгляд. – А тебе зачем?

– А так чтобы с летальным исходом? – настырно продолжала я: пока отвечает, надо пользоваться.

– Ну это смотря что колоть и в каких дозах. Если какие-нибудь опийные, то, конечно, и слона угробить можно.

– Значит, действительно анафилактический шок, – кажется, я сказала это вслух.

– Так! Душа моя заблудшая! – глаза Володи потемнели, во взгляде мелькнула смутная тревога. – Во что ты опять ввязалась?

– Да ни во что я не ввязывалась, – поспешила я исправить накаливающуюся ситуацию. – Просто сегодня Валерка в гости заглядывал, ужасы всякие рассказывал. А я просто так,

из спортивного интереса.

– Ох, смотри у меня, спортсменка, комсомолка. Сам убью, чтобы нервы не трепала. С тобой никакого здоровья не хватит. У меня у самого на твое пинкертонское хобби аллергия, вплоть до душевного коматоза.

Ну вот он уже и расстроился. И надо мне было завести об этом речь именно сегодня? Не могла до завтра потерпеть? Обещала же себе ни слова сегодня о работе.

Я поспешила заверить мужа в том, что никакое частное расследование на моем горизонте не маячит. Тем более что даже Валера от этого дела отказался. И вообще, у меня и без покойников забот хватает – надо сюжет для новой передачи придумывать. Как только сердитые морщинки в уголках губ моего супруга разгладились, а на щеках опять появились очаровательные ямочки, я тоже успокоилась. Мир был восстановлен.

А все-таки интересно было бы выяснить, умер он от шока или от передозировки? Если от передозировки, тогда это наверняка преднамеренное убийство. Или нечаянное самоубийство. Хотя о каком самоубийстве может идти речь?! Пальцы он себе тоже сам отрубил, что ли?

Так – все! Тема закрыта. По крайней мере, на сегодня. Сегодня у меня на ночь были более радужные перспективы, чем размышления о причинах смерти человека, которого я не то что живым, даже мертвым не видела.

Глава 2

– Ирина! Ну наконец-то! Кажется, мы спасены! По-моему, я нашла то, что надо! Потрясающая тема! Просто фантастика!

Такими словами приветствовала мое появление на теле-студии Лера Казаринова. Едва я открыла дверь кабинета, она быстро отставила в сторону мисочку с курагой, в которой тут же очутилась Пашкина рука, ловко спрыгнула со стола и, словно итальянка размахивая руками перед самым моим носом, что совершенно не вязалось с ее внешностью, торопливо пыталась что-то объяснить.

– Если ты не перестанешь частить, словно студентка театрального факультета на экзамене по сценической речи, я ни за что на свете не смогу оценить гениальности твоего открытия.

Эта тирада подействовала на Валерию, как ушат холодной воды. Несколько секунд она растерянно хлопала ресницами, потом виновато улыбнулась, провела рукой по и без того гладко забранным в хвост светлым волосам и уже с удобоваримой скоростью приступила к рассказу:

– Есть у меня подруга. Ну скорее, не подруга – приятельница. В школе учились вместе...

– Понятно. Дальше. – Я повесила плащ и села за свой стол.

– Мы с ней давно не виделись. Я знала только, что она

на стажировку в Канаду уезжала, а вчера встретились. Оказывается, Эллочка замуж вышла. Поначалу все было просто замечательно. Она продолжила обучение. У мужа неплохая работа. Деньги в доме есть. Ну и все такое. А потом выяснилось, что ее Сережа – игрок...

– На бирже? – ни к селу ни к городу вставил Паша, запиная в рот неизвестно какой по счету сухофрукт.

– На картах, – рассеянно ответила Лера. – То есть в карты. Одним словом, он без казино и дня прожить не может. И неизвестно, то ли он всегда такой был, только прикидывался, или уже после свадьбы пристрастился. В общем, теперь все плохо. Целыми вечерами и ночами он там. Проигрывает бешеные деньги, а остановиться не может. Иногда, правда, и выигрывает тоже. Но Эллочке от этого легче не становится. Говорит, уже забыла, как родной муж выглядит. Когда проигрывает, приходит злой, как бобик, орет, вещами кидается. Когда выигрывает, сразу спать брякается... И потом, она все время боится, – почему-то понизив голос, добавила Лера.

– Чего? – не поняла я.

– Того, что однажды он проиграет так много, что не сможет вернуть долг.

– Он же вроде хорошо зарабатывает, – снова встрял Павлик. – А если мужик обеспечивает семью, может он позволить себе невинное развлечение?

– Ничего себе невинное! – возмутилась Лера. – Ты хоть представляешь, какие там крутятся деньги?! И потом, кому

это надо, чтобы тебя обеспечивали и при этом полностью игнорировали?

Мне показалось, или в ее голосе действительно прозвучала обида? Интересно, за подругу или за себя? Ох, молодежь, молодежь!

– Ну, девушка, вы уже придираетесь! – дернул головой Пашка. – Вам что, подавай все сразу и побольше?

– Ладно, – решительно пресекла я намечающуюся словесную пикировку. – Все понятно. А мы-то тут при чем?

– Как при чем?! – по-моему, Лера опять обиделась, на этот раз уже на меня. – Конечно, наша программа называется «Женское счастье», но ведь нигде не написано, что мы должны рассказывать только о добившихся успеха и абсолютно довольных своей судьбой дамочках. А тут такая интересная тема – все есть, а счастья нет. Обязательно найдутся сочувствующие, товарки по несчастью, советчики, наконец.

– Да уж, доброхотов, желающих жизни поучить, у нас полстраны, – не могла не согласиться я. – И что, твоя Эллочка согласна принять участие в этой передаче?

– Ой, да она на все согласна, лишь бы мужа вернуть. Эллочка его так любит... Что только она не пробовала! И увлечения ему новые придумывала, и уйти грозилась, даже к экстрасенсам обращалась. Без толку! Говорит, или принимаешь меня таким, какой есть, или поступай как хочешь. А что тут сделаешь? Это же тебе не алкоголизм – не закодируешь.

– Н-да, интересная история, – подумала я. Страшно! Что

бы я делала, если бы мой Володя променял меня на зеленое сукно, но он – умничка, ему такая мерзость и в голову не придет. Хотя, помнится, был прецедент, когда это чудо в перьях, желая побыстрее скопить деньги мне на подарок, проиграл на тотализаторе отложенные мной пять тысяч. Но ведь это совсем другое. – В принципе все верно, конечно. Но не знаю, не знаю... А что Галина Сергеевна говорит?

– Ее еще нет, – растерянно пролепетала Лерочка.

– А вот и неправда, деточка, я уже здесь, – энергичной походкой уверенной в себе женщины вошла в комнату наша бесценная мадам режиссер, и опять в новом костюме, сидящем на ней так ладно, что, казалось, она еще лет десять сбросила. – Всем доброго утра! Что я должна сказать? Павлик, ну-ка освободи мне креслице. Давайте скажу!

– Галина Сергеевна, тут Лера идею одну предлагает по спасению нашей безвременно затухающей программы. Нужно ваше мнение.

Паша с выражением лица «злые вы, уйду я от вас» вытряхнул себя из кресла, в котором тут же устроилась Галина Сергеевна, элегантно закинув ногу на ногу. Лера на удивление кратко пересказала ей содержание нашего разговора.

– А что, мне идея нравится! – Оживившись, Галина Сергеевна быстрым жестом поправила прическу на затылке, отчего ее коротко стриженные волосы только встопорщились. – Если мы поможем не распасться молодой семье, это только добавит нам популярности. Нет-нет, мы положитель-

но обязаны обличать мужские пороки, делающие женщину несчастной, и по мере своих возможностей восстанавливать попорченную справедливость!

Во время этого маленького выступления мерзавчик Пашка ухмылялся так язвительно, что если бы только его видела Галина Сергеевна, боюсь, уже никаких передач нам не снимать. По крайней мере, выездных сюжетов, так как в студии работали другие операторы.

– По-моему, это не совсем честно, – с сомнением в голосе сказала я. – Ну чем мы можем помочь этой девочке? Вряд ли кто-то из присутствующих в студии сможет дать ей дельный совет. А вот душу разбередят – это точно. Найдутся добренькие, которые скажут, что сама виновата: надо было мужа в узде держать или смотреть, за кого замуж выходишь. Какая-то гадкая спекуляция на чужом горе получается.

– Ах, Ирочка! *Dixi et animam levavi*, – тоном умудренной опытом воспитательницы ответила Галина Сергеевна. – Ты, как филолог, должна знать латынь. А для этих неучей переведу: «Я рассказал и тем облегчил душу». Может быть, для нее это будет самое полезное? Может быть, ей большего и не надо? А еще вполне вероятно, что общение с другими женщинами даст ей возможность посмотреть на ситуацию со стороны и поможет принять верное решение. Может быть, ей этот Серега и не нужен вовсе вместе со всем его букетом достоинств и недостатков? Тоже, между прочим, выход. К тому же, – она бросила взгляд на Леру, – если я правильно

поняла ситуацию, твоя подруга сама хочет попасть на нашу передачу?

Лера быстро кивнула. Помощник режиссера и есть помощник режиссера – даже здесь приходит на помощь.

– Так и хочется вам меня в аморальную авантюру втянуть, – вздохнула я. – Ладно, давайте попробуем. «Рыба» передачи к обеду должна лежать у меня на столе, чтобы я могла согласовать ее с Евгением Ивановичем. Боюсь, это будет не так-то просто.

– Я сама отнесу ему сценарий и постараюсь все уладить, – вызвалась Галина Сергеевна.

– Отлично! – Если за дело брался наш режиссер, можно было не сомневаться, что все вопросы с Евгением Ивановичем будут решены в нашу пользу. – Лера, договаривайся со своей подружкой, на днях мы у нее появимся. Составь список нежелательных для нее вопросов и выясни, о чем бы она хотела, чтобы мы ее спросили. Не забудь встряхнуть из Андрея Юрьевича машину, таскаться пешком по городу я отказываюсь. Павел, проверь камеру, чтобы нам не мотаться по несколько раз туда-сюда. – Последнее наставление, впрочем, было излишним – Пашка, конечно, редкостный лентяй, но рабочий инструмент свой всегда держит в идеальном порядке. – Так, чего мы ждем? Все за работу!

– Ирина Анатольевна! Этот ходячий желудок всю мою курагу съел! – раздался возмущенный голос Леры.

– И вовсе не всю, – искренне обидевшись на такое обви-

нение, прогундосил Пашка. – Тут еще три штуки осталось.
– Ну да, совестливый остаток, чтобы посуду мыть не за-
ставили.

– Господи! Чем я так прогневила небо, что оно послало на
мою голову этот сумасшедший детский сад! – взмолилась я.
Кривила душой, конечно. Команда у меня была что надо!
Замечательная команда!

* * *

– По образованию я филолог, учусь на романо-герман-
ском отделении Тарасовского государственного университе-
та. Изучаю английский. Дополнительно специализируюсь на
преподавании русского как иностранного. Примерно полго-
да назад вернулась из Канады, где стажировалась... прохо-
дила стажировку... ой, а можно сначала...

Элла смущенно заправила волосы за ухо, быстрым движе-
нием вложила одну ладошку в другую и зажала их между ко-
ленями.

– Конечно, – подбадривающе улыбаясь, ответила я. – И
вообще, давайте договоримся: вы на нашего Пашу внимания
не обращайте. Он тут походит, поснимает, а мы с вами про-
сто поболтаем о нашем, о женском. А потом вместе посмот-
рим отснятый материал, и вы сможете выбрать то, что вам
понравится. Что забракуете, просто выбросим. Хорошо?

Умничка Пашка тут же деликатно отошел на пару шагов,

делая вид, что увлеченно снимает роскошный интерьер гостиной.

– Хорошо, – Эллочка робко кивнула и выдавила ответную улыбку. – Вы извините, я еще ни разу в жизни не снималась на телевидении, немного волнуюсь.

У нее был довольно низкий, чуть глуховатый, но приятный, словно обволакивающий голос. Слова она слегка растягивала, причем на шипящих и свистящих согласных, а некоторые буквы не то чтобы проглатывала, а произносила не полностью, что ли, вернее будто смягчала.

– Вполне понимаю вашу реакцию. Все волнуются. И я тоже. Вы просто забудьте про камеру и расскажите о себе. Начните с того, что вам нравится: ваша специальность, увлечения, любимые книги. Кстати, обстановку в доме вы делали?

– Я, – Эллочка неожиданно расцвела. – Мне всегда это нравилось.

Паша плавно перевел камеру на нашу героиню, встав сбоку от нее, так что Эллочка его даже не заметила. Ну что за лапочка! Наблюдать за его работой одно удовольствие.

– Я еще в школе ходила в студию художественного дизайна. Конструирование мне никогда не нравилось, а вот оформление интерьера – это мое. Я вообще люблю экспериментировать. Поначалу такое вытворяла – вспомнить страшно! Мне казалось, что это называется «необычное цветовое решение», а на самом деле – «полная безвкусица». Со временем я остановилась на одной гамме и теперь экспери-

ментирую с оттенками. Это даже интереснее. Полутона, искусственная тень... Жутко люблю всякие мелочи: вазочки, подсвечники... Пытаюсь подобрать их таким образом, чтобы они идеально вписывались в общую картину и с первого взгляда даже не были заметны. Вот вроде бы стоит что-то на каминной полке, а вроде и нет. Подойдешь ближе, а там что-нибудь совершенно умопомрачительное, изящное. Обожаю китайскую керамику. А в доме ремонт я сделала сразу, как только мы въехали. Ой, тут были такие ужасные обои! Знаете, эдакие с претензией на средневековый гобелен. На полу паркет елочкой, как в административных учреждениях. А я все поделила на зоны и в каждой стараюсь придерживаться одного стиля...

Ну, кажется, пошло! Тьфу-тьфу-тьфу... Эллочка самозабвенно продолжала рассказывать о своих дизайнерских изысках, а я с выражением не вызывающего сомнений интереса на лице кивала головой, Паша снимал.

Все-таки до странного не вязалось с ней это имя – Эллочка. Лерина подружка была девушкой не маленькой, я бы даже сказала крупной. Нет, не толстой, а просто какой-то массивной. Во-первых, в ней было никак не меньше 180 сантиметров роста, прямо хоть на подиум. Во-вторых, у нее все было большое: руки, глаза, рот. Последнее, кстати, ее совершенно не портило. Шикарные, длинные, невозможно-черные волосы обрамляли немного вытянутое лицо с тонкой, бледной и на зависть гладкой кожей. При этом Элла практи-

чески не пользовалась косметикой, очевидно, и здесь придерживаясь принципа «чтобы с первого взгляда было незаметно». Да ей и не требовалась никакая косметика. Ее темно-карие глаза, жгуче-черные ресницы, аккуратно выщипанные в тонкую, слегка удивленную дугу брови и пухлые розовые губы и без того прекрасно смотрелись, подчеркнутые таинственной белизной кожи. А вот руки у девушки были страшненькие: широкие, как у мужчины, ладони, длинные, слегка искривленные пальцы с некрасиво выпирающими булками суставов и почти совершенно плоские ногти. Может быть, поэтому она их все время старалась спрятать?

Говоря о том, что в доме водятся деньги, Лерочка несколько приуменьшала реальную картину. Боюсь даже представить, сколько стоил сам дом! Миленький такой трехэтажный белый особняк в самом центре города с небольшим приусадебным садиком и коммунальными удобствами на каждом этаже, включающими ванну и душевую кабину; туалет, естественно, отдельно. Да тут только кухня больше, чем вся моя квартира! Ну если не квартира, то гостиная уж точно. Хорошая работа у ее мужа, если он может позволить себе такой дом и ежевечерние походы в казино. Я невольно завистливо вздохнула. Уж точно не и.о. доцента химфака, как мой Володька с его кандидатской степенью. И при таких деньгах быть такой несчастной! Прямо-таки закон сохранения массы в действии.

Уже не стесняясь Паши, Эллочка поведала нам свою пе-

чальную историю. Она всегда мечтала о крепкой семье, считала, что рождена для того, чтобы создавать уют в доме, растить детей и заботиться о муже. Образование? Ну его, конечно, надо иметь. Да и мужчинам нравятся образованные женщины, не умные, а такие, чтобы с ними не стыдно было показаться в обществе, чтобы могли поддержать любой разговор, ну и все такое прочее. Поэтому она и пошла на филфак. А карьерный рост – это не для нее. Хорошо, конечно, если есть возможность поехать по свету, посмотреть разные страны, познакомиться с чужой культурой, узнать, как и чем живут другие люди, но это совершенно необязательно. Гораздо важнее хорошая, дружная семья. Она любит своего мужа, который старше ее на десять лет, и с радостью сделает все, чтобы он чувствовал себя по-настоящему счастливым. А муж много работает, старается обеспечить семью, устает. Он интересный человек, внимательный, заботливый, только... только...

– Что здесь происходит?!

Я обернулась на голос и увидела в дверях высокого, коротко стриженного молодого человека в длинном черном кожаном плаще. Ничего себе, молодой человек, даже симпатичный, если бы не болезненно-желтый оттенок лица, темные круги под глазами и нездоровый блеск холодных зеленых глаз.

«Муж объелся груш», – почему-то пронеслось у меня в голове. Прямо-таки шекспировская трагедия.

– Повторяю вопрос: что здесь происходит?

За его спиной бесшумно возникла огромная фигура Кости Шилова, нашего водителя. Возникла и застыла в ожидании, словно предупреждая: «Будет буйствовать, готов способствовать, в смысле не буйству, а уgomаниванию».

– Сережа?! – Эллочка отчаянно хлопала ресницами, а ее лицо бледнело прямо на глазах, хотя подумалось, что это просто невозможно. – Извини! Я не знала, что ты придешь...

– Неправильный ответ. Спросить еще раз?

– Сережа, я тебя умоляю, не надо скандала!

– Глупость сказала, и сама это знаешь, поэтому отвечать не буду. Следи за эмоциями.

Я скосила глаза на Пашку – он опустил камеру и осторожно пробирался к двери, обходя врага с тыла, словно боялся, что у него в любой момент потребуют кассету, и был готов с боем или посредством бегства защищать свое сокровище. Но неожиданный визитер не обращал на его маневры никакого внимания. Пока...

– Сережа, пожалуйста! – в голосе Эллы звучала такая мольба, что мне захотелось немедленно подойти к ее мужу и от души отхлестать его по щекам. – Я тебе все объясню. Потом...

– Я к себе. Приму душ. Когда спущусь, чтобы в комнате было чисто.

И, даже не удостоив нашу теплую компанию ни кивком, ни взглядом, он направился к лестнице.

Пашка за его спиной стрелой метнулся к двери и ужом просочился мимо Кости на улицу.

Я словно замороженная следила за тем, как этот человек тяжелыми, ровными, уверенными шагами Командора поднимался вверх, минуя ступень за ступенью через абсолютно одинаковые промежутки времени, хоть метроном проверяй. Следом за ним, едва не задевая лапами за ступени, волочился плащ, словно сложенные перепончатые крылья раненой гарпии с апокрифической картины средневекового художника.

Еще несколько секунд мы хранили изумленно-подавленное молчание.

– Извините. – Я очнулась от тихого, слегка дрожащего голоса Эллы. – Он с работы. Устал. Я не знаю, как это получилось... Он не должен был прийти в это время...

– Ничего страшного. – Я быстро вскочила. – Мы все прекрасно понимаем – человеку надо отдохнуть. Спасибо вам большое. Я позвоню. Завтра. Всего доброго.

Только в машине я окончательно пришла в себя, чтобы суметь хоть как-то прореагировать на случившееся.

– Слушайте, прямо демоническая личность какая-то!

– Ага. Питон Каа, – повернулся Пашка, сидящий на переднем сиденье. – Еще чуть-чуть, и я сам бы прыгнул к нему в пасть. Вместе с камерой. Надеюсь, хоть она-то встала бы у него поперек горла.

– А я думала, что он нас всех соберет в кучу, как мышат

за хвосты, и спустит в один из своих роскошных финских унитазов, – с несвойственной для нее фривольностью выдала Лерочка.

– А потом еще руки в биде вымоет, – добавил Пашка.

– Вот уж никак не предполагала, что Эллочка за такую горгону замуж выйдет. Не-ет, лучше всю жизнь в девках проходить, чем жить с таким психическим Франкенштейном под боком.

– Я, конечно, ожидала чего-то неординарного, хотя и не знаю, как полагается себя вести азартным игрокам, но чтобы такое!.. – Я не на шутку разозлилась из-за оказанного приема. – Да и не похож он на игрока. Мне всегда казалось, что они нервные, дерганные, чуть что – сразу в истерику... Этот кадр просто апологет показательной выдержки. Даже голова не повысил. А ощущение такое, словно тебя отец родной на вечернем сеансе в заднем ряду с последним уркой за поцелуями застукал. Оно, может, и понятно: возвращается человек с работы, а тут тебе половина тарасовской телестудии по дому шоркается, но должны же быть у человека хоть какие-то понятия об элементарной вежливости и законах гостеприимства? И главное – какая наглая уверенность в том, что все сделают именно так, как он требует. Я сказал, значит, так и будет. Бедняжка твоя подруга, чуть на тот свет со страху не отправилась. Может быть, она что-то напутала? Может быть, он не в казино, а в местном сумасшедшем доме психам непристойные картинки показывает, а за неправильный от-

вет фонендоскопом по голове лупит? В самый раз для такого типа развлечение.

– Не удивлюсь, если он устроит Эллочке такой разбор полетов, что она не только на передачу, а дальше собственной ванны высовываться не захочет, – грустно проговорила Лера.

– А жаль! – совершенно искренне вздохнула я. – Эта девочка успела вызвать во мне неподдельную симпатию. Ее трогательная забота о домашнем уюте, мечты о тихом женском счастье, ее увлечение и, надо признаться, отменный вкус, с каким она реализовала свои дизайнерские таланты, определенно должны понравиться нашей аудитории. Да и внешность у нее, как говорит Галина Сергеевна, фактурная. Просто знойная женщина – мечта поэта. Для полноты картины ей только полноты форм не хватает. Хотя и так ничего, эдакая Карменсита. Как ты думаешь, она откажется?

– Не знаю, – пожала плечами Лера. – Трудно даже предположить, как она себя поведет при таком-то супругнике.

– Да убить его, сволочь, и дело с концом! – с каким-то юношеским азартом воскликнул Павел.

– Ну знаешь! – такого я от нашего оператора не ожидала. – Мне, конечно, известна пара случаев убийств на почве звездной болезни, но истреблять родного мужа ради того, чтобы попасть к нам на передачу, это было бы уж слишком... Хотя наш рейтинг от этого несомненно возрос бы. Но, боюсь, руководству такой способ завоевания народной любви и всеобщей популярности не придется по вкусу.

– Ладно. Чего там голову ломать. Вы же договорились, что позвоните завтра, вот все и узнаете. Будет день – будет пища, – философски махнул рукой Паша.

Он был прав. Ничего другого нам не оставалось.

* * *

На следующий день, дождавшись полагающегося по этикету удобного для деловых звонков времени, я набрала номер.

– Слушаю вас, – раздался в трубке мягкий низкий голос.

– Элла, доброе утро. Это Ирина Лебедева вас беспокоит. Что вы решили по поводу нашего предложения?

– Ох, я даже не знаю, – ее голос сразу стал грустным. – Конечно, я обещала, да и самой мне очень хочется, но Сереже совершенно не понравилась эта идея. Я не говорила ему об истинных причинах, побоялась, что он разозлится, сказала, что встретила школьную подругу и та предложила сняться в популярной передаче, рассказать о нашей семье... В общем-то, он не выразил категоричного несогласия... Но не знаю, не знаю...

– Мы вчера посмотрели отснятый материал, – заговорщическим тоном змея-искусителя проговорила я, сама удивляясь тому, насколько профессиональные интересы могут побороть элементарную человеческую порядочность. Впрочем, если рассудить по совести, ничего непристойного в мо-

ем предложении не было. – Все получилось просто замечательно. Вы сами определенно должны иметь успех, а ваши, как бы это сказать поточнее, сложности должны вызвать сочувствие у публики. Я просто уверена, что найдется немало опытных женщин, у которых будет что вам посоветовать. А если хотите, мы можем пригласить на передачу опытного психолога. Вместе будет гораздо проще справиться с вашей проблемой.

– Я не знаю. – Мне показалось, что в ее голосе промелькнули слезливые нотки. – Я очень хочу, чтобы у нас все было хорошо. Но боюсь, как бы мои действия не оттолкнули Сережу. Последнее время он такой несдержанный и... легкоранимый. – Ничего себе, легкоранимый! Тоже мне, нашла юношу с тонкой душевной организацией! А вот то, что с психикой у него не все в порядке, в этом я даже не сомневаюсь.

– Но вы же не собираетесь поливать его грязью и рассказывать перед камерой, какой он негодяй, – как можно мягче сказала я. – Вы просто хотите посоветоваться, помочь, в первую очередь ему же. Разве не так?

– Так. Но вдруг он подумает, что я хочу все решить за него? Он терпеть не может, когда вмешиваются в его дела.

– Но ведь благополучие семьи – это и ваше дело тоже. И ваша забота, как любящей жены. Неужели он не поймет, что вы беспокоитесь о нем, и не оценит подобного поступка?

На том конце трубки повисло тревожное молчание. Я уже было подумала, что эксцентричный супруг Элочки опять не

вовремя вернулся и бедная девушка не знает, как себя вести, когда раздался ее чуть хрипловатый, но твердый голос:

– Хорошо. Я согласна. Я приеду на передачу. Обязательно приеду.

– Вот и замечательно. Мы ждем вас. И не беспокойтесь – у нас в запасе есть немало способов уберечь вас от бестактных вопросов. Так сказать, маленькие профессиональные хитрости. Все будет хорошо!

– Спасибо.

– Как наши успехи? – раздался у меня за спиной бодрый голос Галины Сергеевны, едва я положила трубку.

– Да вроде неплохо. – В последнее время я стала подозрительно суеверной, поэтому решила ограничиться сдержанно-нейтральной фразой, чтобы, как говорится, не спугнуть удачу.

– Вроде? Или неплохо? – не сдавался наш настырный режиссер. – Я тебя не узнаю, Ирочка. У тебя всегда был полный порядок с конкретикой. А теперь что за метания?

– Простите, Галина Сергеевна, наверное, старею – начинаю верить в приметы и преимущественно в дурные.

– Вот так новости! – Она даже рассмеялась. – Мало нам того, что Павлик после общения с нашим новогодним экстрасенсом время от времени вспоминает о ее пророчествах и начинает носиться по телестудии, словно наскипидаренный, изображая активную деятельность, которая якобы должна способствовать переменам в его печальной судьбе, так те-

перь еще и ты будешь от черных кошек шархаться и на старушек с пустыми ведрами кидаться?

– Не буду я на старушек кидаться, – я немного обиделась. – На них попробуй кинься. Это для здоровья опасно, почище Лериных диет.

– Ну вот и славно. А то я уж было подумала, что ты с меня решила начать.

– Помилуйте, Галина Сергеевна! Какая же вы старушка? – искренне возмутилась я. – Потом, у вас и ведра никакого нет.

– Люблю грубую лесть, – расцвела наша чудо-женщина. – Но вообще-то ты права. Дама слегка постбальзаковского возраста – еще не старушка. А, можно сказать, женщина в самом соку. Однако, может быть, все-таки расскажешь, что у нас происходит?

– Да ничего особенного. С Эллой я договорилась. Она, конечно, побаивается своего грозного домостроевца, но на передачу прийти клятвенно обещала. Осталось только выяснить, где носится наш незаменимый оператор. Или у него опять приступ жестокой борьбы с фортуной?

– А вот этого я не знаю, извините, только пришла. – И Галина Сергеевна так обворожительно улыбнулась, что одна мысль о возможности рассердиться на ее опоздание показалась мне святотатственным кощунством.

– Зато я знаю, – раздался от двери веселый голос Леры. – Он в монтажной ребят по подоконникам строит – материал монтирует.

– Чудны дела твои, господи! – в изумлении развела я руками. – И никому для этого не пришлось пригрозить ему какой-нибудь страшной карой за неисправимую лень?! Галина Сергеевна, я заблуждалась. Кажется, я становлюсь не суеверной, а Фомой неверующим.

– Не пришлось, – с какой-то непонятной гордостью, словно речь шла о ее личных выдающихся заслугах, ответила Лера. – Все сам, по собственной инициативе. И вообще он очень доволен. Говорит, что Эллочка жутко киногоенична, и обещает сотворить из отснятого материала настоящее произведение искусства.

– Пока своими глазами не увижу – не поверю, – я продолжала разыгрывать из себя Станиславского.

– А я, собственно, за тем и пришла, чтобы отвести вас к Павлику и все показать. Он посоветоваться хочет, какой сюжет за чем должен идти.

– Похвальное рвение и достойная уважения предусмотрительность, – улыбнулась Галина Сергеевна. – Что ж, пойдемте посмотрим, чего он там натворил.

Глава 3

В студии вовсю кипела работа. Носились ассистенты, расставляя декорации, призванные превратить зал в подобие уютной домашней комнаты, устанавливая софиты, проверяя микрофоны и таская туда-сюда кипу каких-то бумажек. Мальчики выкатывали на середину два огромных кресла: одно для меня, другое для нашей героини. То и дело раздавалась монотонная считалочка звукорежиссера, проверяющего исправность работы своих хитрых приборов. Операторы всюду катали студийные камеры, выбирая наиболее интересные ракурсы. Лерочка самолично проверяла посадочные места для зрителей, чтобы тебе ни мусора какого, ни пылинки. Светочка, наша машинистка и по совместительству так называемый «первый попавшийся любой», то есть подсадная утка, не раз вытаскивая наших гостей из самых щекотливых ситуаций, вовремя задавая заранее обговоренный вопрос, придирчиво оглядывала свой строгий серый английским костюм и выкладывала поверх рукавов изящные кружевные манжеты рубашки. Сегодня она у нас вылитая преподавательница младших классов элитной гимназии. Пашка тоскливо слонялся из угла в угол: в студии от него совершенно не было никакого толка, чего вообще приперся – непонятно. Я в который раз просматривала сценарий, время от времени отгоняя от себя назойливых гримеров, и лихорадочно

вспоминала список каверзных вопросов, прикидывая, когда лучше всего будет пустить рекламу. Одним словом, обычное вавилонское столпотворение за час до начала эфира.

– Ирина Анатольевна, – меня насторожили не столько тревожные нотки в голосе Леры, сколько ее обращение по имени-отчеству. Она всегда называла меня на «вы», но на полный официоз переходила только в шутливых ситуациях или в ситуациях форс-мажоров. А сейчас было явно не до шуток.

– Что случилось? – стараясь сохранять спокойствие, спросила я.

– Там уже зрители собираются, – жалобно сказала Лера.

– И что тебя пугает? Было бы хуже, если бы никто не пришел.

– Да, но Элочки-то нет.

– Как нет?! Она до сих пор не приехала?

– Нет, – как-то поникнув и даже втянув голову в плечи, ответила Лерочка. – Я звонила ей домой, но там никто не берет трубку, один автоответчик дурацкий: «Извините, нас сейчас нет дома, позвоните попозже или оставьте сообщение после сигнала».

– Значит, она уже выехала. Прекрати сеять панику. А то я скоропостижно грохнусь в обморок, а в мое кресло придется садиться тебе. Как такая перспектива?

– Не очень. – Лерочка улыбнулась, пытаясь изобразить облегчение. – Я не подумала о том, что она еще может быть в дороге.

– О чем ты вообще думаешь? – Я почувствовала легкое раздражение из-за появившейся где-то на задворках сознания коварной тревоги. – Мы с ней обо всем договорились, не раз созванивались, Пашка даже отвез ей кассету со смонтированным сюжетом, подружке твоей все понравилось, она твердо сказала, что не передумает и обязательно приедет.

– А вдруг случилось что? – вместо того, чтобы успокоить меня, эта маленькая инквизиторша опасливо посмотрела на часы.

– Господи! Ну что могло случиться?! Любимую помаду не нашла? Каблук по дороге сломала? Увлеклась декорированием санузла? Или решила вместе с мужем прогуляться в казино да там и осталась? Не мучай ты меня всякими глупостями, – попросила я, однако мои собственные ощущения не могли развеять волнения.

– У нее же есть сотовый! – всплеснула руками Лера и уже на бегу добавила: – Еще раз позвоню.

Минут через пять Лера вернулась мрачнее, чем Валеркины клиенты из «Криминальной хроники».

– По сотовому тоже никто не отвечает. Говорят, абонент временно заблокирован или находится в зоне... как ее... в недосягаемой.

– Час от часу не легче! – Я тоже посмотрела на часы: осталось чуть больше двадцати минут. Быстрым взглядом окинула беспокойные лица своих помощников и с ужасом поняла, что надо спасать ситуацию. – Пашу ко мне, быстро! И

Галину Сергеевну найди!

Оба возникли передо мной через несколько секунд, я даже не успела до конца промерить нервным шагом студию, полы которой украшала развеселенькая надпись с названием нашей передачи.

– Погорели мы на нашей счастливнице, – не тратя времени на долгие объяснения, сообщила я. – Ума не приложу, что произошло, но это сейчас не столь уж важно. Надо что-то делать!

– А что тут сделаешь? – сердито буркнул Павел. – Нет героини – нет передачи. Придется очередной несанкционированный повтор устраивать. Кошелев нам за это, конечно, таких благодарностей навешает, что потом с месяц камеру в руки брать не захочется. А что делать – другого выхода нет.

– Так, что у нас там есть из особо выдающегося? – в отчаянии спросила я.

– Два сюжета, – быстро ответила Галина Сергеевна. – Один об учительнице года, возившей своих подопечных во Францию, где они пели в какой-то детской опере. Другой о феноменальной двенадцатилетней теннисистке и ее тренере, тоже в прошлом выдающейся спортсменке.

– Берем малолетних певцов с их французским репертуаром. И быстро, быстро! Осталось пятнадцать минут! некогда прохладиться. Отдыхать будем, когда Евгений Иванович четыре приказа об увольнении подпишет.

Моя команда в полном составе бросилась спасать наши

головы, а я, совершенно разбитая, поплелась в свой кабинет, стараясь убедить себя, что глупо надеяться на внезапное появление Элочки за пять минут до эфира. Но искушенный в подобных делах палач-надежда не отставал от меня почти до самого начала эфирного времени. Естественно, никто за мной не пришел.

Плюхнувшись в кресло, я едва не разревелась. Как же так можно?! Ненавижу человеческую необязательность! У меня в таких случаях просто руки опускаются. Вернее, поднимаются, чтоб потом так опуститься... в другой раз неповадно будет порядочным людям хорошие передачи срывать! Нет, такого в моей печальной практике еще не было. Неужели трудно было позвонить, предупредить, мол, извините, милые, не могу я, передумала или просто не хочу? Мы бы как-нибудь выкрутились, что-нибудь другое нашли. Всегда в запасе есть пара-тройка вариантов на черный день. Но так, чтобы до последнего дотянуть и просто не явиться!.. Сказочное свинство! А теперь времени нет не то чтобы новую кандидатуру в студию доставить, а мало-мальски порядочную отмазку для начальства придумать. Сейчас оно заявится – глаз из-под бровей не видать, – скажет свое сакраментальное «Всех уволю!», а то еще и вообще ничего не скажет, а на самом деле возьмет и уволит к чертовой бабушке. Всех.

Нет, я этого так оставить не могу. Пусть посмотрит в мои суровые глаза и попробует найти оправдание, способное хоть чуть-чуть умерить мой праведный гнев. В конце концов, мы

ее сюда в кандалах не тянули. Сама согласилась. А на всякие непредвиденные обстоятельства есть такая хитрая штука, телефоном называется.

Я посмотрела на часы: семь минут, как началась передача-повтор. Без меня. То есть со мной, конечно... Что это за «Женское счастье» без Ирины Лебедевой? Я вспомнила, как на передаче про выдающегося педагога со своими голосистыми франкоязычными вундеркиндами зацепилась за гвоздь, порвала колготки и пятнадцать минут как последняя идиотка прятала ногу под кресло, а потом, во время рекламной паузы, торопливо переодевалась чуть ли не у всех на виду, словно дешевая танцовщица второсортного варьете, и окончательно разозлилась... Так что теперь, когда я влетела в маленькую комнатку, где Костя Шилов пил чай, отдыхая после очередного извоза, мой разум возмущенный кипел так неистово, что, окажись я на стороне испанцев во время Реконкисты, никаким Альморавидам и Альмохадам² сам Аллах не помог бы так долго удерживать Гранаду.

– Собирайся! Поехали! – решительно бросила я тоном, не терпящим ни возражений, ни пререканий, ни даже скорбных воззваний к моей жалости.

– Куда? – коротко спросил Костя уже в машине.

– В гости к семейке Эшеров, – зло бросила я, и умничка-Костя, как ни странно, все понял и больше не задавал во-

² Принятые в литературе названия династий и государств в Северной Америке, борющихся между собой за овладение территорией (XI–XII вв.).

просов, внимательно следя за дорогой.

До уже знакомого белого особняка мы добрались в полном молчании: Костя никогда не отличался особой словоохотливостью, а я копила силы для предстоящего возмездия. Едва машина остановилась, я выскочила, не дожидаясь, когда мой галантный водитель выйдет сам, откроет заднюю дверцу, предусмотрительно протянув руку, и почти бегом направилась к дому. Ох, что я ей скажу! Даже представить страшно! Или нет, ничего не скажу: буду молча смотреть ей в глаза – живое олицетворение вселенского укора.

Не раздумывая дальше, я нажала кнопку звонка. Кнопка мягко вдавилась, и из-за двери послышался приятный перезвон колокольчиков. Ничего особенного не произошло. Вообще ничего не произошло, словно я проделала дырку в старом холсте с нарисованным очагом в каморке папы Карло. Только вот заглянуть в эту дырку и посмотреть, что там творится, мне уж точно не удастся. Я повторила операцию – результат тот же самый. Я продолжала бестолково давить на несчастную кнопку, никто даже и не подумал вступить за бедняжку и открыть мне эту чертову дверь.

– Ирина Анатольевна, мне кажется, что никого нет дома.

Я повернулась так быстро, что Костя не успел убрать с лица мягкую, слегка снисходительную улыбку. Издевается, что ли?! Ну все – всем упасть и отжаться! Сейчас я устрою этому шутнику персональный Армагеддон, и даже слухи о его ко мне тайной симпатии не помогут. Я уже открыла рот, чтобы

прочитать суровую отповедь на тему того, как следует себя вести с расстроенными телеведущими, которым только что сорвали грандиозный план по спасению одной из самых популярных в области передач, когда мое внимание привлек звук подъезжающей машины.

Из белой «Лады», которая тут же уехала, вышла виновница моей нынешней психической неуравновешенности и усталой походкой направилась к дому, глядя куда-то мимо нас. Мало того, она еще прошла между нами, словно между двумя фонарными столбами, замерла на крыльце, очевидно раздумывая, что ей делать, потом как-то судорожно-торопливо расстегнула сумочку и стала копаться в ней, явно что-то ища. Наконец достала ключ, несколько секунд недоуменно разглядывала его, затем робко вставила в замочную скважину и начала поворачивать.

– Добрый вечер, Элеонора, – не выдержала я.

Совершенно игнорируя мое присутствие, она продолжала свое занятие. Дверь не поддавалась.

– Элеонора, может быть, все-таки здравствуйте?! – я начала приходить в себя от первого потрясения, и на смену изумлению, временно затмившему все остальные эмоции, пришло ретировавшееся было негодование, поэтому голос мой прозвучал вызывающе громко.

Эллочка оторвалась от двери и повернулась к нам. Только теперь я заметила, что лицо ее было даже бледнее, чем в момент неожиданного возвращения мужа. Она окинула нас от-

страненным, но слегка затравленным взглядом и просто ответила: – Здравствуйте.

В голосе ее не было абсолютно никакого выражения, но глаза постепенно утрачивали зомбиподобную поволоку, окрашиваясь влажным оттенком смутного осознания.

– Вы, наверное, хотите войти? – спросила она.

– Да уж, – я просто не знала, что еще сказать.

– Сейчас, – она снова повернулась к двери.

На этот раз замок открылся неожиданно быстро, Эллочка даже испугалась, это была первая более-менее понятная мне эмоция, и слегка отшатнулась от распахнувшейся двери. Она быстро вошла внутрь и рухнула на диван, не снимая своего шикарного пиджака из тонкой кожи – в этой семье что, все ходят только в коже? Сумочка упала на пол, но Элла даже не обратила на это внимания.

Мы вошли за ней следом.

– Знаете, меня несколько удивило и расстроило ваше поведение, – не дожидаясь, пока она соизволит принести свои извинения, сказала я.

Эллочка медленно подняла голову, во взгляде ее было совершенно искреннее непонимание и даже обида, мол, что я такого сделала? Ну, конечно, сама невинность.

– Почему вы не позвонили и не предупредили нас, что не приедете на передачу?

– На передачу, – повторила Эллочка, и из ее глаз покатились крупные слезы.

Она плакала беззвучно, выражение лица по-прежнему оставалось недоуменно-обиженным, а по щекам все бежали и бежали искрящиеся слезинки, оставляя широкие блестящие следы на неестественно бледной коже.

– Эллочка, что случилось?! – почти испуганно спросила я, потрясенная видом этой тихой истерики.

Она продолжала молчать, застыв, словно мраморное изваяние, только ее аккуратные брови скорбно поползли к переносице, из-за чего большие глаза приобрели выражение сонного сенбернара.

– Эллочка, может быть, расскажете? – робко повторила я.

Она открыла рот, отчего все мышцы лица внезапно ожили, превращая его в чудовищную в своей нелогичной подвижности маску. Из горла вырвался хриплый всхлип. Эллочка поспешно закрыла рот, а глаза ее, словно против желания хозяйки, начали стремительно расширяться, наплевав на все возможности человеческой мимики.

– Костя, принеси воды. Кухня за правой дверью, – скомандовала я, боясь, что еще чуть-чуть, и ее глаза или окажутся на полу, или, реализуя расхожую метафору, переползут на лоб.

Костя моментально исполнил мое поручение и вернулся в гостиную с высоким стаканом в руке. Он сел рядом с Эллой, осторожно развернул ее к себе и придвинул стакан к губам.

– Попейте.

Эллочка послушно сделала два крупных судорожных

глотка, облив себя и Костю, потом как-то странно на него посмотрела и вдруг совершенно неожиданно уткнулась головой в его плечо и глухо разрыдалась.

Костя бросил на меня испуганный извиняющийся взгляд, словно говоря «не виноватый я, она сама...». Можно подумывать, мне было какое-то дело до того, что за девчонки тычутся ему в плечо своими очаровательными мордашками! Правую руку со стаканом Костя медленно отвел в сторону, нелепо вздернув ее над спинкой дивана, а левой как-то неуклюже погладил Эллочку по голове.

– Вы успокойтесь и расскажите... Может, мы чем-то поможем?

Эллочка закивала головой, словно вытирая влажное лицо об Костин свитер, еще несколько минут всхлипывала; мы не торопили ее – пусть выплачется, если надо; потом резко отшатнулась от Кости и растерянно посмотрела на меня.

– Сережа умер, – все так же без выражения сказала она.

– Как умер? – от удивления и неожиданности я задала самый нелепый и бестактный вопрос, какой только можно было задать в данной ситуации.

– Не знаю, – почти извиняясь, ответила Эллочка.

Я бросила вопрошающий взгляд на Костю, но он только дернул плечами, мол, я-то откуда знаю, и машинально стал пить воду из Эллочкиного стакана.

– Когда? – не совсем понимая, что говорю и зачем, продолжала допытываться я.

– Не знаю, – совсем тихо сказала Эллочка.

– Подождите! Давайте все успокоимся. – Я решительно подошла к стене, взяла стул, принесла его к дивану и уселась напротив Элеоноры. – Может быть, начнем сначала и по порядку?

Элла кивнула и быстро провела обеими ладонками по лицу, сперва вверх, потом вниз, поджала губки, посидела так несколько секунд, потом прерывисто выдохнула и сказала:

– Позавчера он не пришел вечером домой. Я, конечно, волновалась, но не особенно. Я уже привыкла к тому, что он часто не возвращается домой после работы, а едет в казино. Даже знаю, в какое именно. – Эллочка опять вздохнула и продолжала, невольно говоря о муже в настоящем времени: – Он никогда не предупреждает и не звонит, а свой сотовый просто отключает, наверное, чтобы не мешали играть. Помнится, однажды я позвонила в казино и попросила его к телефону, так он такой скандал устроил, что я больше уже не решалась его разыскивать. А звонить и спрашивать, не у вас ли мой супруг, как-то совсем уж глупо, да и неловко, будто я ничего не знаю о том, где проводит время муж, или как ревнивая дура проверяю, нет ли у него любовницы. Ну и тем вечером я тоже была уверена, что он опять в казино. Наверное, он там и был какое-то время, не знаю. Только домой он не вернулся даже под утро...

Она остановилась и умоляюще посмотрела на Костю. Тот поднял брови, потом глянул на опустевший стакан, виновато

улыбнулся и быстро встал с дивана.

– Там в холодильнике есть апельсиновый сок, – сказала Эллочка и вдруг, словно вспомнив, что у нее вроде как гости, торопливо спросила: – А может, вы кофе хотите?

Мы с Костей, как два китайских болванчика, синхронно помотали головами, и он удалился на кухню, а когда вернулся, в его правой руке был высокий прозрачный кувшин с желтоватой густой жидкостью, а левой он держал три стакана, прижав их друг к другу пальцами. В полном молчании, будто того требовал какой-то тайный ритуал, мы взяли у него по стакану, он наполнил их на две трети соком, налил себе, поглядел по сторонам, думая, куда бы деть кувшин, потом поставил его на пол рядом с диваном и уселся на прежнее место.

Все трое мы сделали по глотку, и я выжидательно уставилась на Эллочку.

– Я позвонила ему на работу, – продолжала Элла, будто мы не устраивали пятиминутного антракта с обрядовым распитием апельсинового сока. – Там мне сказали, что он еще не приезжал. Позвонила на сотовый, он по-прежнему не отвечал. Вот тогда я начала беспокоиться. Но в казино звонить все равно не рискнула, тем более что оно, наверное, и не работало уже. Ближе к обеду я еще раз позвонила в банк...

– Куда? – переспросила я.

– В банк, – повторила Элла. – Сережа в банке работает. Работал...

Она опять замолчала, а я подумала, что непростительный с моей стороны непрофессионализм – снимать передачу о женщине и не потрудиться выяснить, где работает ее муж. Ладно, если бы речь шла о карьере и деловых качествах этой самой женщины, тогда, понятно, до мужа и дела никакого нет, хотя тоже спорно. Но когда главным вопросом должна была стать проблема азартного увлечения мужа, связанного с большими финансовыми расходами, не узнать, чем он зарабатывает на жизнь, просто преступление против любопытства заинтересованной общественности. И как я об этом сразу не подумала?

– Вообще-то, это был его банк, – вздохнула Эллочка, – хотя и неофициально. Все документы были оформлены на другого человека. Но деньги там крутились Сережины. А что будет теперь, я даже не знаю.

– Подождите, давайте поговорим об этом позже, – попросила я, – а пока расскажите, что было дальше.

– Дальше? Дальше я испугалась. Хотела позвонить в милицию, но передумала. Если бы все было в порядке, Сережа мне бы такое устроил, что лучше и не думать. Он и так считал меня истеричной паникершей, а если бы я из-за одного дня его отсутствия вызвала милицию, он бы потом вернулся, а тут, не дай бог, полный дом чужих людей!.. Он вообще не любил людей, то есть был не слишком общительный. Друзей у него было мало, практически совсем не было, с деловыми партнерами всегда держал дистанцию и вел себя сдержанно,

терпеть не мог все эти презентации с неизменным обмыванием соглашений и сделок. Он не пил. Вечером после ужина мог пропустить грамм тридцать коньяка перед чашкой кофе, но чтобы водку... Даже вина не любил, а пиво вообще терпеть не мог. Господи, а если бы я позвонила сразу, может быть, все было бы по-другому?!

– Элла, вам не в чем себя винить, – резко прервала я ее метания. – Вы сделали то, к чему приучил вас муж. То, что он сам считал нормальным и естественным поведением. Если он полагал, что вы должны были просто ждать и не предпринимать никаких попыток разыскивать его, значит, именно так вам и следовало себя вести. Что было потом?

– Я не спала всю ночь, ждала, что он вернется. Уговаривала себя, что Сережа мог, никого не предупредив, уехать на какую-нибудь деловую встречу, это вполне в его духе. Он был очень независимый и считал, что никто, а я особенно, не должен вмешиваться в его работу и быть в курсе его дел. Не то чтобы он боялся конкуренции, просто таким был его стиль работы. Он все должен был делать сам. А утром мне позвонили из милиции и, ничего не объяснив, попросили приехать. Конечно, я тут же написала Сереже записку и поехала. Там был просто кошмар! Меня долго расспрашивали о его работе, образе жизни – мне пришлось сказать, что он любил бывать в казино. Почему-то спросили, нет ли у него врагов, я ответила, что не знаю. На мои вопросы следователь долго не отвечал, а потом сказал, что моего Сережу нашли мертвым

в парке неподалеку от казино «Гран Мишель». Я не поверила. Первое, что сказала, так это то, что он там никогда и не бывал. Он действительно всегда ходил только в «Фортуну».

– Может быть, это и правда не он? – робко предположил Костя, и я удивилась тому, сколько сочувствия было в его голосе.

– Он, – покачала головой Элла и снова всхлипнула. – Меня возили на опознание. Это он. И вещи все его.

– А что с ним случилось? – аккуратно спросила я.

– Говорят, сердечный приступ. Но не знаю – Сережа никогда не жаловался на сердце. Хотя он вообще никогда ни на что не жаловался. Помню, когда он заболел гепатитом, мы узнали об этом, только когда он весь пожелтел. Самую опасную стадию болезни Сережа перенес на ногах и ни разу не пожаловался на слабость или плохое самочувствие, только ел плохо, а один раз после какого-то жирного мясного блюда под острым соусом его даже вырвало.

– А вещи все были на месте? – молодец Костя, а я вот потерялась, слушая ее любовный рассказ о выдающихся качествах мужа.

– Вроде да. И телефон, и документы. По ним в милиции и установили личность пок... его личность, даже все визитные карточки на месте. Хотя не знаю, все или не все – я никогда в них не заглядывала и, естественно, не считала. Но так вроде бы органайзер в порядке. Только денег при нем не было ни копейки.

– Совсем не было? – переспросил Костя.

– Совсем. Так, мелочь какая-то в карманах. Это очень странно: Сережа всегда носил при себе и рубли и доллары, на всякий случай. Да и потом совсем без денег просто неудобно...

Да уж, трудно не согласиться. Ни тебе на такси прокатиться, ни коньяка дорогого выпить, ни в казино сходить! Кстати, казино!..

– А что об этом говорят в милиции? – спросила я.

– Они считают, что он все проиграл, расстроился, ну и вот... Спрашивали, есть ли в доме деньги. Проверяли его счета. И сейчас проверяют. Потом, наверное, будут проверять банковские бумаги. Думают, он мог проиграть слишком много, такую сумму, которой у него не оказалось при себе, а то и все деньги, которые у него были в принципе. Но такого с Сережей еще никогда не случалось.

– Но ведь рано или поздно это могло произойти? Вы же сами боялись именно этого.

– Боялась, – согласилась Элла, – но не думала, что Сережа дойдет до такого. Хотя за карточным столом он действительно становился как помешанный. Знаете, создавалось впечатление, словно он абсолютно забывает о том, что играет на деньги, и видит перед собой только фишки.

– А вы были с ним когда-нибудь в казино? – несколько удивилась я.

– Один раз, на мой день рождения. Не знаю, может быть,

он думал, что я разделю его увлечение, но мне это никогда не нравилось. Наверное, я слишком большая трусиха.

Ничего себе подарочек любимой жене на день рождения! Усадить рядом с собой за карточный стол и заставлять наблюдать, как просаживаешь семейные деньги! Каким же надо быть изощренным садистом?!

– А денег он при себе много носил? – в очередной раз потряс меня своей необычной и несвойственной ему любознательностью Костя.

– Ну-у, вообще да. Особенно если знал, что пойдет в казино. Там ведь только за наличные. Тысяч пятнадцать-двадцать, думаю, мог иметь.

– Пятнадцать?! – я не поверила своим ушам. Да чтобы я вот так, за здорово живешь, носила в своем кошельке пятнадцать тысяч – ополоуметь можно!

– Да, – простенько так согласилась Эллочка. – Ну и рублями еще тысяч пять-десять...

– Еще и рублями? – до меня не сразу дошел смысл этой фразы.

Только когда я сообразила, что в первый раз она имела в виду пятнадцать тысяч долларов, я едва не рухнула со стула и с трудом удержалась от комментариев. В принципе я понимала, что речь идет о каких-то больших деньгах, но когда прозвучала сумма, мне стало просто не по себе. Я быстренько попробовала в уме перевести доллары в рубли – получилось что-то около полумиллиона.

– Что же он их прямо так, в нагрудном кармане, и носил? – недоверчиво спросил Костя, который последние минуты, очевидно, был занят теми же математическими вычислениям, что и я. – Это ж деньжищи-то какие! По карманам не рассовать!

– Нет, – устало ответила Элла, – у него сумочка была, такая мужская, кожаная, с петелькой для руки, как она там называется? В ней и носил. И потом, в долларах-то ведь меньше, особенно если крупные купюры.

– И часто он проигрывал? – с болью в голосе, словно речь шла о моих собственных сбережениях, спросила я.

– Бывало, – улыбнулась Элочка, – но и выигрывал тоже нередко. Он был умелым игроком. На рулетку никогда не ставил. Его интересовал только покер.

– Да за такие деньги и убить не грех, – не сдержалась я. – Ой, простите! А в милиции не думали, что его и в самом деле могли убить?

– А зачем им об этом думать? – вместо Элочки ответил Костя. – Это же еще один криминальный покойник. А так... ну расстроился человек, ну случился у него сердечный приступ... Кстати, кто вам об этом сказал?

– В милиции и сказали. Я там весь день провела. Только сейчас приехала. А о вас, извините, совсем забыла.

Да какие уж тут извинения. Все понятно теперь.

– Лерочка вам по сотовому звонила, но ей не ответили, – почему-то сказала я.

– По сотовому? – Эллочка начала оглядываться в поисках своей сумочки, увидела ее на полу, схватила и принялась копаться в ее содержимом. Оттуда посыпались какие-то вещи, наконец она достала телефон. – Зарядить забыла.

Взгляд ее упал на выпавшую пачку сигарет, она нагнулась, подняла ее, достала одну длинную тонкую сигаретину, нашла в сумке зажигалку и отчаянно защелкала. Костя деликатно, но настойчиво отобрал у Элочки зажигалку, дал ей прикурить и, не ответив на кивок благодарности, отправился на поиски пепельницы.

– Значит, вскрытие, простите, показало, что он умер от сердечного приступа? – поинтересовалась я.

– Вскрытия еще не делали, – ответила Элла, прячась за клубами дыма. – Это предварительное заключение медицинского эксперта. А вы что, полагаете, его могли убить? – Она насторожилась.

– Не знаю, но ведь такой вариант вполне возможен. Во-первых, согласитесь, что сумма, с которой он ходил в казино, довольно большая для среднестатистического жителя нашего города. Во-вторых, вам ведь ничего не известно о его работе, мало ли с кем он имел дела.

– Сережа никогда бы не связался с криминальными структурами! – в голосе Эллы прозвучало искреннее, почти враждебное возмущение.

– Все, что связано с деньгами, всегда связано с криминалом, – безжалостно парировала я. – А он был банкиром.

– Но на нем не обнаружено никаких следов побоев, – жалобно сказала Элла, принимая из рук Кости простенькую, но изящную керамическую пепельницу. – Никаких следов насилия, даже крохотного синячка! Одежда в идеальном порядке, только на рубашке две пуговицы оторваны, словно он задыхался и пытался ослабить ворот. Я не медик, но, по-моему, именно так себя и ведут при сердечных приступах.

– Есть много способов убить человека. Сымитировать инфаркт или что-то в этом роде не так уж и трудно.

– Вы меня пугаете. – Элла повернулась к Косте, словно ища у него защиты. – Ну кому могло понадобиться убивать Сережу? И что теперь будет со мной? Вдруг и меня тоже?..

Казалось, эта мысль так потрясла ее, что она не заметила, как с сигареты в дрогнувшей руке сорвался длинный столбик пепла и упал на полу пиджака. Костя быстрым движением стряхнул его на пол. Эллочка дернулась, но, поняв, в чем дело, смущенно потупилась:

– Извините. Что-то я совсем разнервничалась. Сережа прав – я просто истеричка, – и из ее глаз опять покатались слезы.

– Успокойтесь, пожалуйста, – прочувствованно сказала я. – Того, что случилось, не изменишь. А вам мы попытаемся помочь.

– Вам-то это зачем? – она вдруг опять насторожилась. – Что-то я не пойму: вы на телестудии или в милиции работаете? И зачем я только все это вам рассказывала?

– Эллочка, ваши сомнения – прямо-таки удар по моему профессиональному самолюбию. Неужели вы не видели ни одной нашей передачи? Или вы полагаете, что можно одновременно работать и на телевидении и в органах? Извините, это же просто не в человеческих силах. К тому же милиции, как вы сами видели, до этого дела нет. Умер человек от сердечного приступа, и ладно. А то, что это молодой, здоровый и при этом сказочно богатый человек, никого не волнует. Меньше проблем.

– Ну а с чего вы взяли, что это убийство? – ей явно не хотелось верить в такой поворот событий.

– В том-то все и дело, что наверняка ничего не известно. Умер сам – хорошо! То есть, простите, ничего хорошего, конечно, в этом нет. Я имела в виду, что вам в этом случае ничего не грозит. А если это все-таки было убийство... Вы знаете, кому принадлежит его состояние, банк?

– Понятия не имею! – кажется, только сейчас до нее дошло, насколько все серьезно. Я и сама, признаться, поняла это только сейчас, когда с ее губ сорвался вопрос о наследниках Сергея. – Это что же получается, я всего могу лишиться – и денег, и дома?!

– А дом на вас оформлен?

– На Сережу. – Она совсем растерялась.

– Но вы ведь с ним были расписаны?

– Да, конечно...

– Тогда, по идее, никаких проблем, по крайней мере с до-

мом, возникнуть не должно. Конечно, при условии, что ваш муж действительно не проиграл все свои деньги. Как вы думаете, кому придется платить по его счетам?

– Господи боже! – лицо Эллы, едва начавшее розоветь, снова превратилось в маску молочного цвета.

Трясущейся рукой она достала следующую сигарету и повернулась к Косте. Тот послушно щелкнул зажигалкой и поднес ее к сигарете. Элла прикурила, глубоко затянулась и прикусила верхнюю губу. Несмотря на бледность, лицо ее было совершенно спокойно, а в глазах не виделось и намека на слезы.

– Господи боже, – повторила она почти равнодушно и подняла на меня свои удивительные, совершенно черные глаза. – Я думала, что смерть Сережи – это самое страшное, что могло со мной случиться. Оказывается, его смерть – это только начало. Все так запутано. Я ничего не понимаю и даже примерно не могу себе представить, что меня ждет.

– Поэтому мы и хотим вам помочь, – сказала я.

– Почему бизнес вашего мужа был оформлен на другого человека? – Сегодня Костя просто не переставал меня удивлять. – Не знаю. – Элла выпустила густой клуб дыма, уперлась локтями в колени и положила голову на открытые ладони.

Зажженная сигарета была в опасной близости от ее густых волос, и мне казалось, что еще чуть-чуть – и они вспыхнут, как пропитанная бензином ткань, но беспокоить Эллу я не

решалась.

– Я никогда этим не интересовалась, – не отрывая ладоней от лица, сказала Элла. – Я хотела всего лишь семью. Счастливую семью. Он муж, его забота – деньги. Я – жена, моя забота – дом и его счастье. Какая же я была дура!

– Обещаю вам, что сделаю все, что в моих силах. Прежде всего надо узнать, было ли это убийство и как много денег проиграл ваш муж. Хотя, если последнее предположение верно, думаю, кредитор сам объявится, и в самое ближайшее время. Если его убили, нужно выяснить мотивы. Полагаю, их наберется не так уж и мало. Вы не знаете, он не собирался переоформить дело на себя?

– Ничего не знаю. – Элла подняла голову, и я поразилась ее неестественному спокойствию и отрешенности. – Извините, я очень устала и хочу побыть одна.

– Конечно... Но вы уверены, что с вами все будет в порядке?

– Разумеется, нет. Со мной уже ничего не будет в порядке. Но вешаться я не собираюсь, если вы это имеете в виду.

– Простите. Пойдем, Костя.

Когда мы выходили, Эллочка по-прежнему сидела на диване, обхватив голову руками. Сигарету она все-таки затушила.

– Знаешь, Костя, – сказала я, когда мы подошли к машине, – что-то я тоже смертельно устала. Сперва эта нервотрепка на студии, потом разговор с Эллой... Пойду-ка я домой.

Евгения Ивановича все равно сегодня уже не будет, так что покаянную речь смело можно отложить до завтра. А тебе так и так на студию возвращаться – служебную машину отвозить. Может быть, расскажешь все ребятам?

– Конечно, Ирина Анатольевна, никаких вопросов. Только сперва отвезу вас.

Я даже не стала спорить. Сил не осталось.

Глава 4

Утром я проснулась от тоскливо-тревожных звуков адажио Альбиони. Что ни говори, в самый раз для моего настроения аккомпанемент. Нет, оно мне, конечно, очень нравится – разумеется, адажио, а не мое нынешнее настроение, только слишком прочно засело воспоминание о том, что именно эту мелодию сделали персональным похоронным маршем чуть ли не для все наших генсеков. Кстати, ума не приложу, как этот диск оказался в музыкальном центре, вроде бы с вечера там Боккерини стоял? Может быть, это Володькины каверзы? Так сказать, народный бунт, акция протеста. Он до сих пор не избавился от привычки делать вид, что ненавидит мое пристрастие к классической музыке. Надо же ему, горе-мычному, хоть что-то во мне ненавидеть. Вот и решил дать мне на собственной шкуре почувствовать, каково ему, бедненькому, приходится – выбрал самое что ни на есть жизне-радостное. Глупые шутки, так ему и скажу.

Впрочем, Володька не виноват, что у меня плохое настроение. Он и так вчера весь вечер вокруг меня прыгал, все пытался дознаться, чего это Иван-царевич невесел, буйну голову повесил. А какое тут веселье, когда мне с утра да на шефский ковер? Я ведь до сих пор не придумала, чем бы смягчить начальнический гнев. Да уж если на то пошло, Кошелеву есть на что гневаться. Не оправдала, так сказать, оказан-

ного доверия. Только я-то тут при чем? Я, что ли, благоверного нашей героини на тот свет отправила? Весь день в ментовке продержала? Только все это детский лепет, даже не отговорки: необходимо было предусмотреть любые ситуации и запастись резервным вариантом. А я наивно понадеялась, вернее, халатно поленилась. Может популярная телезвезда позволить себе такой маленький каприз, как лень? Не может, если не хочет навсегда распрощиться со своей популярностью.

Если честно, Альбиони начал меня раздражать. Равнодушно удивившись сему факту, я выползла из кровати, нашла пульт и выключила музыкальный центр. Не хочется мне сегодня музыки, разве что нацистских маршей для поднятия боевого духа. Но решив, что мир к этому еще не готов, по крайней мере, в лице моего супруга, я отправилась на кухню.

Володьки дома не оказалось. Этот факт удивил меня куда больше, чем внезапная мелофобия. Куда же он мог подеваться в такую-то рань? Продолжая недоумевать, я машинально посетила ванную, умылась, почистила зубы и еще раз обошла квартиру. Нет, в кровати он не затерялся и в холодильнике тоже не прятался. Зато я нашла записку на кухонном столе, которая и пролила толику света на сию, покрытую мраком тайну: муж ушел в университет – и кому могло прийти в голову ставить в субботу первую пару?! Ушел пораньше, чтобы успеть занести своему приятелю очередную партию курсовых, написанных для ленивых студентов-тинейджеров с же-

леобразным коктейлем из пепси, децельных дискотек и ночных клубов, вместо серого вещества под черепной коробкой, а меня будить не захотел – решил дать выспаться. Что ж, спасибо за заботу.

И чего это я такая злая с самого утра? Еще и десяти минут не прошло, как бодрствую, а уже всем досталось: и мужу, и Альбиони, и уж совсем ни в чем не повинным, а даже очень полезным в плане зарабатывания моим Володькой средств к нашему общему существованию студентам. Ох, судьба, судьба, судьбинушка – о двух концах дубинушка! Как же не хотелось мне сегодня на работу! Вообще-то по субботам у нас официально выходной, но мы сами устроили себе этот праздник. Ясное дело: раз вчера набедокурили, будьте любезны сегодня явиться пред темные от гнева очи начальства и ответить за свои проступки. Но как же мне этого не хочется! Вот возьму и заболею. Могу я заболеть? Не могу. Чувство товарищества не позволит. Я, значит, буду тут предаваться меланхолии, брызгать во все стороны ядом и оттачивать свой раздвоившийся язычок на даже не подозревающих о таком с моей стороны коварстве Володькиных лоботрясах, а ребятам там одним перед начальством отдуваться придется. Не по совести это, не такому нас классики учили, чтоб им самим всю жизнь ничего, кроме покаянных объяснительных для руководства, не писать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.